

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Бакалейные, Железный и Мелочный ряды
на Александровской (Греческой) площади

Их устройство очень подробно изложил в монографии по истории градостроительства.¹⁰⁵ В данном же случае уместно сосредоточиться на первой половине 1820-х, представить, какую Греческая площадь виделась Пушкину.

Отвод мест под застройку стандартными двухэтажными секциями начался в конце 1803 года. При этом нижние этажи и сводчатые подвалы служили торговыми помещениями, а верхние предназначались под жильё. Со стороны Греческого (Красного) и Колодезного переулков к сказанным секционным лавкам примыкали узкие дворики, в которых на первых порах находились незначительные хозяйственные постройки. Подобная скованность, скученность понуждала более состоятельных граждан застраивать сразу по два места либо в дальнейшем прикупать смежные места.

Учитывая то обстоятельство, что площадь находилась в верховьях балки, что территорию приходилось нивелировать отсыпками грунта – а это обходилось недешево, – застройка ее осуществлялась неравномерно и затянулась на полтора десятилетия. В самую последнюю очередь, на рубеже 1810-1820-х, были наконец застроены и места в Бакалейном и Мелочном рядах, примыкающие к Дерibasовской улице, – как самые неудобные, находящиеся на косогоре, но и очень выгодные в перспективе. То есть

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-78.

Вид на Железный и Мелочный ряды, Греческую улицу и Собор со стороны одноименной площади. 1840-е гг.

Пушкин застал уже полностью сформировавшийся на площади ансамбль всех четырех торговых отделений.

Нумерация и местоположение отделений. Бакалейный ряд (I) – меж Дерибасовской улицей, Греческим (Красным) переулком, Греческой улицей и площадью. Мелочный ряд (II) – меж Дерибасовской улицей, Колодезным переулком, Греческой улицей и площадью. Железный ряд (III) – меж Греческой улицей, Колодезным переулком, Полицейской улицей и площадью. Другой Бакалейный ряд (IV) – меж Греческой улицей, Греческим (Красным) переулком, Полицейской улицей и площадью. Сама площадь была обсажена деревьями, а в центре ее находился палисад, где представители греческой общины собирались строить вторую греческую церковь, однако намерение это по ряду причин так и не было осуществлено.

Специфика Бакалейного ряда (I) заключалась в том, что в пушкинское время пять из двадцати лавок, которые именовались Госпитальными, принадлежали казне, сдавались в аренду частным лицам, а доход шел в пользу Городского госпиталя (больницы). Пятью соседними местами со стороны Дерибасовской владел чиновник Одесского коммерческого суда надворный советник П.Д. Ольховский. Четыре лавки в том же отделении принадлежали известному нам М.А. Крамареву: к слову, Ольховский и Крамарев были женаты на родных сестрах, дочерях первого городского головы Андрея

Железцова, Екатерине и Анисье.¹⁰⁶ Остальные шесть секций – за греческими предпринимателями: Ксенисом, Манесом, Кехрибарджи.

В других отделениях греки преобладали, хотя, например, в Железном ряду по понятным причинам явственно присутствие русского купечества, прежде всего, семейства Ширяевых. По этой причине Колодезный переулок одно время называли Ширяевским. В числе значимых персонажей локальной истории, владевших здесь в ту пору недвижимостью: И.А. Амвросио, Д.А. Велисарио, Д.С. Инглези, Г.И. Маразли, семейство Миловановых и другие.

Помимо бакалеи, колониальных товаров, скобяных изделий, конской упряжи и проч., на Греческом базаре издавна процветали: москательная торговля, реализация оконного стекла, музыкальных инструментов, книжная продажа и др. В иные дни тут, по существу, действовал толчок, по которому сновали разносчики, менялы, факторы, букинисты, продавцы комнатных птиц, перекупщики и вообще самый разный люд. В подвалах функционировали экзотические питейные заведения, кофейни, харчевни. Меж Бакалейным и Мелочными рядами, при входе (въезде) на площадь со стороны Дерибасовской улицы, располагалось небольшое одноэтажное здание городских мер и весов. В интересующий нас период оно уже изрядно обветшало, но продолжало использоваться по назначению во все время пребывания Пушкина в Одессе, и было разобрано лишь в декабре 1824 года.

Александровский проспект

Мы определенно знаем о том, что Пушкин посещал дом городского головы Ф.Л. Лучича на Александровском проспекте, располагавшийся за так называемой Греческой площадью. Маршрут, очевидно, пешеходный: менее трех кварталов от Дерибасовской. Район в ту пору чрезвычайно яркий, насыщенный людской энергией, этнически и социально пестрый, пряный, привлекательный. Здесь можно было приобрести все, что доставлялось в город по морю и суше: от заморских фруктов, вин, табака, игрушек, сувениров и проч. до русской мануфактуры, оружия, церковной утвари, русской и зарубежной книги.

Александровский проспект на протяжении многих десятилетий – одна из главных торговых магистралей города. Он фактически служил продолжением Военной балки и Гаванной улицы, представлял собой как бы систему сообщающихся рынков. Сразу за Дерибасовской, напротив Гаванной, находилась Александровская (Греческая) площадь, включавшая четыре типовые секции (отделения, ряда), предназначенные для более-менее специализированной преимущественно розничной торговли. Слева располагались два Бакалейных ряда, справа так называемые Мелочный и Железный ряды. Накрест их пересекала Греческая улица, также изобилующая бакалейными лавками. Большинство владельцев торговых помещений – как на самой площади, так и в ее окрестностях – греки, а потому весь район в просторечии именовался «Греческой». Говоря «на Греческой», имели в виду не только площадь и улицу.

Следующий квартал проспекта, меж улицами Полицейской (Бунина) и Почтовой (Жуковского), хотя и был застроен разнообразными частными домами, но фактически тоже представлял собой торговый центр, поскольку в первых этажах размещались многочисленные коммерческие заведения. Глянем на некоторые. Первым слева – Александровский проспект, № 1, – был дом отставного

Бывший дом А.И. Маюрова на Александровской площади. 1869 г.

майора *Ивана Егоровича Балтакова*, построенный ранее 1814 года. Балтаков служил в Саратовском пехотном полку, 5 октября 1811-го, будучи поручиком, получил два места по нынешней улице Щепкина (Елисаветинской), в квартале меж Торговой и Дворянской, однако застраивать не стал¹⁰⁷ и обосновался на двух местах здесь, рядом с Одесской почтовой конторой, и значился уже штабс-капитаном.¹⁰⁸ Дом этот сохранился в незначительно перестроенном виде, одноэтажный, но высокий, приспособленный под торговые салоны, со стороны Полицейской улицы достроен двухэтажный флигель. В 1831-м эта недвижимость оценена в 10.000 рублей.¹⁰⁹ Помещения здесь арендовали под разные заведения, скажем, тут находилась переплетная мастерская Вислоцкого.¹¹⁰

По купчей крепости, совершенной 20 октября 1842 года, она перешла во владение одесского купца *Осипа и его жены Елены Балуховых*. В мае 1845-го они предположили произвести надстройку второго этажа на бывшем доме Балтакова, в половину длины места по проспекту. Сохранилось три практически одинаковых фасада и ситуационных плана, начертанных зодчим Гаэтано Даллакка.¹¹¹ Однако исполнение сего проекта вызывает некоторые сомнения, поскольку на данный момент мы видим, по сути,

Вид на Александровский проспект и Покровскую церковь. 1869 г.

то же одноэтажное первичное здание. Кроме того, в реестре на 1848 год оценочная стоимость всей этой недвижимости Балюховых составляет лишь 7.000 рублей.¹¹²

Как бы то ни было, бывший дом Балтакова репрезентует одну из типичных категорий застройки пушкинского времени. О другой принадлежавшей отставному майору недвижимости мы упоминаем в разделе, посвященном ранней застройке улицы Екатерининской.

Дом Лифенцова

Это еще один дом из ранних, функционально тяготевших к Гостиным рядам, ныне место застройки трехэтажным зданием по Александровскому проспекту, № 5. *Николай Васильевич Лифенцов (Лифинцов)*, орловский 3-й гильдии купец, один из первопоселенцев, в 1796 году был избран ратманом первого городского магистрата. В переписке магистрата 1811 года говорится еще, что он «орловский посадский, прибыл в Одессу по паспорту», однако не получил «открепления» от тамошнего общества, а потому формально так и не причислен к одесскому. Его брат Иван обосновался еще в Хаджибее после завоевания небольшого турецкого укрепления и маленького поселка российскими войсками. Из Орла Иван выбыл в 1791 году, «построил дом и вел торговлю в 1792-м», в одесское 3-й гильдии купечество вступил не позднее 1797 года, было ему тогда 53 года, жене Степаниде – 50, дочери Марфе – 23, зятю, Ивану Кошеварову – 25.¹¹³ Поселившийся в Одессе, надо полагать, немного позднее, Николай по каким-то соображениям оставался орловским купцом.

В первичной ведомости раздачи участков под застройку, составленной в сентябре 1794 года, упоминаются два не смежных места – № 162 и 164, в XIX квартале Военного форштата – и в обоих случаях они отданы «купцу Лифинцову»,¹¹⁴ без указания имени. Очевидно, это означает, что каждый из братьев получил землю под домостроительство. Согласно документально подтвержденному сообщению дореволюционного историка В.А. Яковлева, Иван возвел свой дом еще до официальной раздачи мест, в 1792 году,¹¹⁵ следовательно, это строение должны были просто-

Покровская церковь. Открытка 1902 г.

напросто формально узаконить. А узаконить уже существовавшие на тот момент в Хаджибее дома, в том числе разоренные в 1789-м, помимо Лифенцова, удалось немногим, скажем, весьма авторитетному Лариону Портнову (см. ниже) и содержателю кофейни Симону Аспоридису. Ссылаясь на архивные документы, тот же профессор В.А. Яковлев говорит, что в 1795 году по аналогичному поводу к де Рибасу обращалось 14 лиц с греческими и трое с восточными фамилиями, заявляя свои права на разоренные в Хаджибее дома. В том числе девять заявителей из Константинополя, двое – из Елисаветграда, по од-

ному – из Херсона и Екатеринослава, четверо – из Николаева.¹¹⁶ Однако с ними, судя по всему, не слишком церемонились.

Николай Лифенцов, понятно, постарался получить место поближе к брату. К сожалению, пока не знаю, какое именно из двух указанных выше ему отвели. Одно находилось по четной стороне будущей Почтовой улицы, почти напротив нынешнего Покровского переулочка, второе – за углом, посередине квартала по Александровскому проспекту, меж Почтовой и Полицейской. «На задворках» оба участка соприкасались. Этот патриархальный район одесских старообрядцев жил своей специфической жизнью, контрастируя с другими, более «европеизованными» районами. Даже несколько десятилетий спустя продвинутые, как нынче говорят, горожане иронически называли здешних жителей *старобазарцами*, подчеркивая их консервативность, архаичный уклад, домострой. Лифенцов был одним из солидных жертвователей при постройке единоверческого Покровского храма.¹¹⁷

Монография давнего серьезного историка К.Н. Смольянинова доносит отголоски того «муниципального противоборства», которое развернулось в едва появившейся на географических картах Одессе. Речь идет о конфликте Иностранного и Российского магистратов, о некоем странном муниципальном двоевластии, сложившемся после кончины императрицы. Главными действующими лицами с «русской стороны» тогда выступили купцы Мигунов, Лифенцов, Суслов. Однако они проиграли, и в результате указом от 26 января 1798 года император Павел упразднил Российский магистрат, а состоявших в нем купцов и мещан подчинил Иностранному.

Кто прав? Однозначно ответить трудно. С одной стороны, передача управленческих полномочий в руки уроженцев Леванта была целесообразной, ибо только с их заинтересованною помощью юная Одесса могла реализовать отведенную ей роль южных ворот империи. Кроме того, капиталы российских купцов и сама их численность в городе в ту пору были еще относительно малы. С другой стороны, ситуация тогда сложилась тягостная. Город не имел необходимой для нормального функционирования инфраструктуры: финансирование устройства гавани, казенных зданий, сооружений, храмов и др. свернулось в конце 1796-го, поступления в городской бюджет были ничтожны, а потому невозможно было даже минимально благоустраивать городские территории, строить мосты, копать колодцы, устилать щебнем улицы. Неопределенными оставались многие юридические вопросы, связанные, например, с налогообложением тех же иностранных переселенцев и др., законодательная база «ганзейского города» не вписывалась в региональную, многие вопросы в этом смысле оставались неурегулированными.

Горожане отдавали себе отчет в том, что судьба Одессы туманна, целиком зависит от случая – каприза монарха или сановника-временщика. Поэтому им, воленс-ноленс, пришлось оставить распри, во всяком случае, в городском управлении позитивно присутствовала и «русская фракция» – купцы Портнов, Мигунов, Яловилов, Андросов, Шебякин и другие. Впрочем, я сильно сомневаюсь в том, что у тех или других вообще была какая-то определенная политическая платформа, если не считать таковой простую выгоду.

В ведомости 1798 года записано, что орловский 3-й гильдии купец Николай Лифинцов (но сохранились автографы, где четко прописано – *Лифенцов*) объявил свой капитал на 4.000 рублей, а отпуск – на 10.000. При этом он «торгует разным гуртовым товаром», имеет «лавки 2 деревянные с покоем и ледником и 2 каменные».¹¹⁸ Деревянные лавки находились за Старым базаром, в квартале, ограниченном формирующимися улицами Большой Арнаутской, Преображенской, Малой Арнаутской и Александровским проспектом. Здесь на протяжении семи лет Николай Лифенцов, как и его соседи, Иван Ростовцев и Борис Суровцов, занимался мясной торговлей.¹¹⁹ Поблизости промышлял скотом и авторитетный купец Федор Яловичев, именем которого назвала одну из площадей Старого базара.

С 1799 года Лифенцов и одесский 3-й гильдии купец, старший магистратский бургомистр, а впоследствии городской голова Иван Иванович Мигунов стояли во главе резничного цеха. В их обязанности входил контроль цен и свежести отпускаемого каждым из 24-х местных промышленников мяса. В те отдаленные времена квартал был еще городской окраиной, что позволяло забивать скот прямо «в степи», даже не доходя будущей Привозной площади, и притом не опасаясь за чей-то чуткий слух или чье-то чуткое обоняние. Вопрос о создании общества охраны животных тоже не стоял на повестке дня, ибо самим горожанам приходилось жить в нечеловеческих условиях. Тогда Одесса и в самом деле была большой деревней, по которой наемные пастухи ежедневно прогоняли на городской выгон принадлежавший горожанам скот. В 1806 году резницы перенесли еще дальше, в особый квартал, за Малую Арнаутскую, меж проспектом и «Резническим переулком», и старые деревянные лавки растащили на дрова, по поводу чего хозяева жаловались в 1808-м Строительному комитету.

Следовательно, принадлежавшие Лифенцову две каменные лавки с жилыми покоем находились возле Красных рядов и Покровской церкви, прихожанином которой были он и его супруга Матрона. О детях я пока не имею надежных сведений. В метрических книгах Спасо-Преображенского собора есть запись о бракосочетании «вторым браком одесского купца Иосифа Балухова с вдовою Еленою Лифинцовой» 5 февраля 1822 года. Очевидно,

это первая жена сына или племянника нашего фигуранта. *Иосиф (Осип) Леонтьевич Балюхов (Балихов)* – почтенный старожил, домовладелец, купец, член Строительного комитета и Приказа общественного призрения, владелец значительного хутора за мысом Большой Фонтан. 1 января 1823-го у них родился первенец Спиридон.¹²⁰ Другой сын, Михаил, авторитетный думец, был попечителем Старого городского кладбища. С хутором (дачей) Балюховых связана биография Л.О. Пастернака, его семьи и окружения, но это тема отдельного обстоятельного разговора. Выше мы говорили о покупке Иосифом и Еленой Балюховой смежного с двором Лифенцова дома Балтакова. Это навеивает мысль о том, что в это время им владела родня Елены.

Еще интересный факт. В 1803 году Лифенцов получил место для устройства пивоваренного заведения и хутора на Пересыпи, площадью 80 на 50 саженей, в удачном для этой затеи месте, «подле криницы». Впрочем, активной его пивоваренной деятельности мне пока тоже не удалось зафиксировать. Не знаю и времени его кончины. Во всяком случае, он ушел после 1811 года, когда, как упоминалось ранее, магистратом велась переписка о его официальном причислении к городскому гражданству. Подозреваю, он стал жертвой чумной эпидемии 1812 года. В ту пору погиб близкий Лифенцову человек, Иван Иванович Мигунов, супруга Мигунова и несколько домочадцев. В августе 1820-го в Строительный комитет обращались кредиторы умершего одесского купца Николая Лифенцова одесские купцы Федот Бирюков и Семен Мясников. При выяснении обстоятельств оказалось, что еще летом 1804-го Лифенцов взял в Комитете кредит на 1.500 рублей, в 1807-м вернул 800, и таким образом за ним осталось долгу 700 рублей плюс проценты. В обеспечение возврата кредита он заложил свой дом, оцененный в 6.400 рублей.¹²¹ На 1804 год это довольно высокая оценочная стоимость. То есть я хочу сказать, что и в пушкинское время находящиеся тут постройки были довольно значительны.

Здесь же заметим: строения на углу Александровского проспекта и Почтовой улицы, в пределах нынешних домов соответственно № 7 и № 36, в пушкинское время принадлежали подполковнице *Марье Дмитриевне Алберт (Альберт)* по купчей

крепости, оформленной в Херсонской палате гражданского суда 10 января 1819 года. Летом 1826-го архитектор Фраполли освидетельствовал постройки и нашел здесь плановый дом, а также магазин и флигель, «построенные с давнего времени». ¹²² Магазин подполковника Алберта «на углу Почтовой, возле дома г. Филиберта» упоминается в газетных объявлениях 1832-го. ¹²³ В 1834-м Алберту утвержден новый план на постройку дома, ¹²⁴ который позднее унаследовала его дочь Елена Семенюта. Этот цветной план исполнен архитектором Боффо: два симметричных двухэтажных флигеля по красной линии Александровского проспекта, разделенные въездом во двор; в нижних этажах – явно торговые лавки. ¹²⁵

Недвижимость Сапожниковых

На противоположном углу – Александровский проспект, № 2, – изначально располагался одноэтажный казенный дом, в котором квартировал другой саратовский офицер, подполковник Мирбах, упоминавшийся нами в связи с семейством и недвижимостью Савоини. Дом этот был построен на первом этапе существования города, и фиксируется на генплане 1802-1803 гг. 27 апреля 1809-го Ришелье предложил Строительному комитету продать это обветшавшее и недостаточно просторное здание с публичного торга, а взамен приобрести более подходящее. Такой дом, доктора Капелло, был приобретен, о чем мы уже говорили. Что касается этого, то на него нашлось немало охотников, торги проходили весьма энергично. Почему? Потому что место было очень выгодное, проходное, на главной торговой магистрали, а дом можно было починить, подправить, достроить. В числе конкурентов на торгах выступал даже коммерции советник Рено, кроме того, его соотечественник предприниматель Рубо, аптекарь Шмидт. Но наивысшую цену, 2.600 рублей, назначил елисаветградский купец *Кондрат Сапожников*, который владел смежным участком по Полицейской улице.

Что представляла собой эта недвижимость? При освидетельствовании городской архитектор Франческо Фраполли нашел

следующее. Дом размерами 6 сажень 2 аршина и 8 вершков на 4 сажени 2 аршина. Покоев (комнат) 6, сеней 2, окон 10, печей кафельных голландских 3. Пол и потолки дощатые. Покрыт драпью. Во дворе землянка 4 сажени 2 аршина на 2 сажени, в ней кухня и людская. Сарай ветхий 7 на 3 сажени. Ледник 4 на 4 аршина. Ворота с калиткой и каменными столбами.¹²⁶ Понятно, что после покупки дом и службы перестраивались, в 1819-м Сапожников получил новое свидетельство на участок после освидетельствования архитектором Джованни Фраполли.¹²⁷ Короче говоря, купец основательно обзавелся. Сохранилось довольно много информации об этой и другой недвижимости его и родни, включая хутора. Угловым местом по Александровскому проспекту и Полицейской Сапожниковы владели вплоть до начала 1870-х.

Сапожниковы – обширный род елисаветградских купцов, поэтапно обосновавшийся в Одессе, начиная со второй половины 1790-х. Так, в 1797 году Осип Сапожников избирался одним из счетчиков, контролировавших приход и расход средств в Одесском магистрате.¹²⁸ В «собрании граждан», проходившем в Одесском магистрате 10 марта 1799-го, участвовал купец Осип Сапожников 2-й.¹²⁹ В метрических книгах Покровского единоверческого храма есть любопытные записи, в частности, о рождении и крещении 3-4 апреля 1808 года младенца Георгия, сына одесского купца Осипа Сапожникова и его супруги Варвары.¹³⁰ В синхронной метрической книге Преображенской соборной церкви упоминается и «елисаветградский купец Кондрат Сапожников». В ведомости ученикам Одесской коммерческой гимназии за 1809-й находим купеческих сыновей Павла и Василия Сапожниковых, оба 10-ти лет, оба «понятны, прилежны, благонравны».¹³¹ Зафиксировано отпевание в Соборе 28 июля 1823-го младеницы Ольги, дочери одесского купца Филиппа Сапожникова.¹³²

В 1820-х один из наших фигурантов, одесский 3-й гильдии купец *Вонифатий Макарович Сапожников*, был ратманом Городового магистрата, а его родственник, одесский 3-й гильдии купец Осип Игнатьевич Сапожников, членом Одесского коммерческого суда от купечества. Этот последний владел домом, смежным с тем казенным, что купил Кондрат Сапожников: ныне на этом месте по улице Бунина, № 37, находится более позднее трехэтажное

здание. В ту пору это была довольно значимая, наверняка двухэтажная постройка, оцененная в 30.000 рублей ассигнациями в несгораемых и 5.000 в сгораемых материалах.¹³³

Переходим к важному, на мой взгляд, сюжету, связанному с недвижимостью Сапожниковых. Он не только дает хорошее представление о характере застройки в первые годы существования города, но и иллюстрирует контрастное сочетание маленьких патриархальных домиков первых одесситов с весьма солидными зданиями более поздней постройки в пушкинское время. Информация обнаруживается в одном из дел Строительного комитета под заглавием «По прошению одесского купца Вонифатия Сапожникова о выдаче ему документов на дома и места в 1-й части», от 26 июня – 13 сентября 1840 года.

К делу приложен оригинал свидетельства Одесской инженерной команды об отводе 9 мая 1800 года одесскому купцу *Иосифу Сапожникову* мест № 39, 40 и 43 в V квартале Северного форштата, с указанием меры участков.¹³⁴ Заявление просителя и прилагаемое духовное завещание, зарегистрированное магистратом в апреле 1806-го, четко воспроизводит весь ход событий. Иосиф Сапожников, родной дядя Вонифатия, разрешил своей матери, елисаветградской купчихе Марии Сапожниковой, то есть бабушке Вонифатия, передать ему в полное распоряжение сказанные «три места с находившимися на них в то время в дворе верховыми избами». В том же 1806 году В.М. Сапожников с дозволения фактического руководителя Строительного комитета инженер-полковника Е.Х. Ферстера построил два маленьких плановых дома: «о 5-ти окнах на месте под № 40» и «о трех окнах на месте под № 43». Позднее, в 1819 году, согласно плану, составленному архитектором Дигби и утвержденному подполковником Кругом 25 апреля, Сапожников построил двухэтажный дом на местах 39 и 40, а на месте № 43 остался прежний домик в три окна.¹³⁵

К делу прилагается фасад этой небольшой трогательной постройки 1806 года¹³⁶ по Колодезному переулку: ныне это место по красной линии не застроено, есть пятиэтажка в глубине двора – переулок вице-адмирала Жукова, № 12. Из плана всех трех мест, также составленного архитектором Торичелли, видно, что двухэтажный дом Сапожникова по Полицейской (Бунина, № 40,

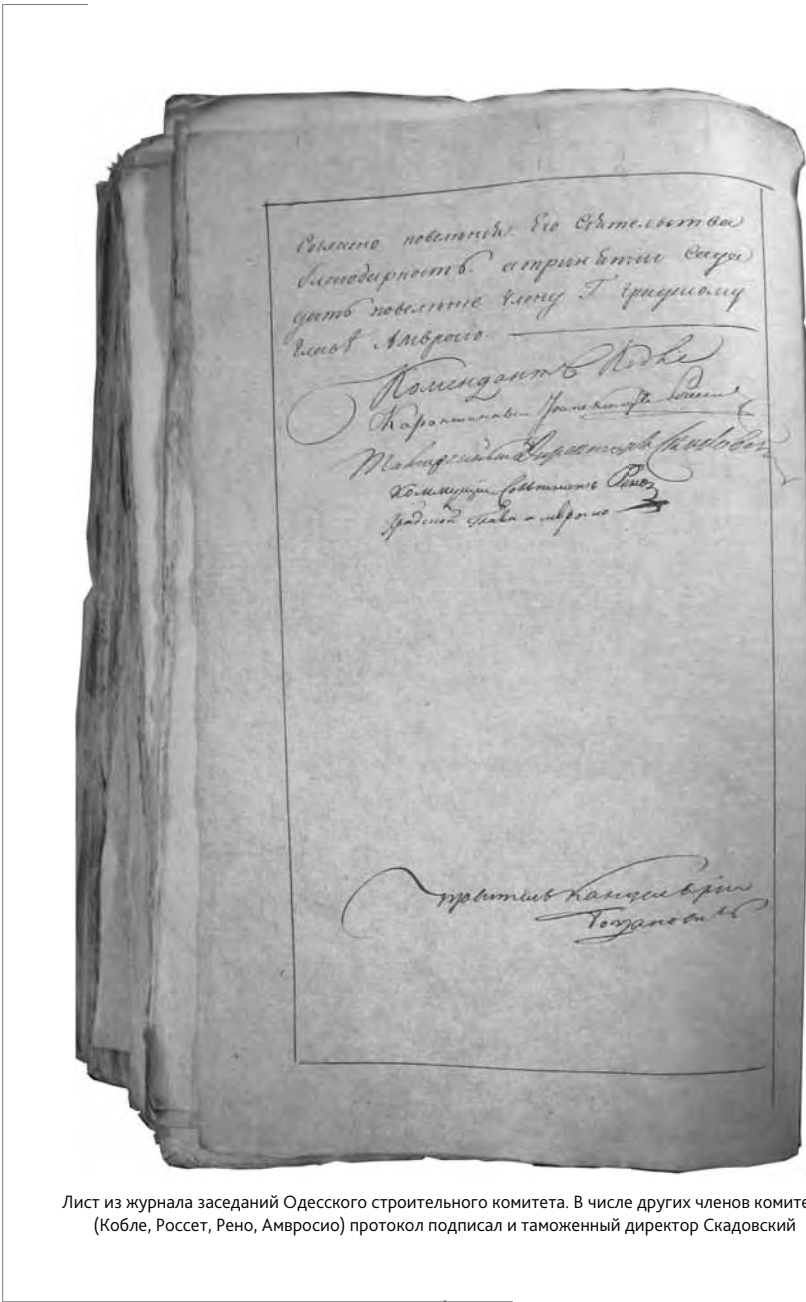
ныне более позднее трехэтажное здание) состоит из двух флигелей – углового, квадратной формы и прямоугольного, от границы соседнего места.¹³⁷

Таким образом, можно констатировать, что: 1) семейство Сапожниковых территориально сформировало как бы свой городок по обе стороны Полицейской (Бунина) улицы, расположенный в очень выгодном в торговом отношении ареале; 2) их недвижимость в пушкинское время иллюстрирует эволюцию застройки Одессы в первое ее тридцатилетие. Уместно прибавить, что в домах, принадлежавших Сапожниковым, помимо различных лавок традиционно квартировали трактиры, винные склады, а позднее – пивные залы.

Дом Великанова

Для полноты картины – несколько слов о доме другого старожилы, одесского 3-й гильдии купца *Семена Семеновича Великанова*. Он владел смежными с Вонифатием Сапожниковым местами № 41-42 по Полицейской улице, приобрел их с уже существующими строениями по купчей крепости, оформленной в Одесском коммерческом суде 11 октября 1823-го.¹³⁸ Кому эта недвижимость принадлежала ранее, пока неизвестно. Из определения Строительного комитета явствует: сам он сказанные места никому не отводил,¹³⁹ то есть они отведены еще магистратом ранее 1803-го. Из генплана 1802-1803 гг. следует, что первое относительно небольшое строение находилось на углу будущих улиц Полицейской и Преображенской. На плане 1807-го показано одинокое строение и на втором от угла месте. Из плана 1814-го видно, что оба первичных строения соединены в одно, а кроме того, появляется дворовой флигель, стоящий торцом к улице. Генплан 1828-го фиксирует практически ту же ситуацию.

Из архивных документов ясно: один из двух домов на местах № 41-42 – довольно вместительный магазин. Оценочная стоимость всех строений здесь составляла 21.750 рублей.¹⁴⁰ То есть в пушкинское время застройка вполне приличная, но по красной линии не сплошная. И лишь летом 1834-го Великанов заложил фундамент в упор к смежному месту Сапожникова, чтобы

Всего получено по Estimate
бюджету в 1861 году
сумма по смете 100000 руб.
и 50 коп.

Комитетом
Кобле, Россет, Рено, Амвросио
Макаришвили, Сидорович, Кудрявцев
Коллежский Секретарь Рено
Федорович Кобле и др.

Против Казначейства
Тонанович

Лист из журнала заседаний Одесского строительного комитета. В числе других членов комитета (Кобле, Россет, Рено, Амвросио) протокол подписал и таможенный директор Скадовский

приступить к сплошной застройке, как того требовало распоряжение Воронцова от 20 мая 1829 года. Тут у него возникли трения с соседом, ситуацию разбирали в Строительном комитете, в разбор полетов вмешался сам генерал-губернатор, который порекомендовал градоначальнику Лёвшину привести инцидент к мировому соглашению. Оно и было достигнуто летом 1835-го.¹⁴¹

Семейство Великановых весьма известно в истории муниципальной деятельности, владело разнообразной недвижимостью, строило известные здания, но эта проблематика выходит далеко за рамки нашего исследования.

Дом Селиховой

Теперь вернемся на Александровский проспект. В 1822-м соседка Кондрата Сапожникова полковница *Екатерина Селихова* (*Селехова*) жалуется Строительному комитету по поводу того, что он занял часть ее дворового места.¹⁴² Речь идет об адресе Александровский проспект, № 4, где ныне трехэтажный дом. Похоже, Селихова была неправа, ибо ей велели обратиться в полицию, но продолжения этого сюжета в делах ОСК мы не видим. Впрочем, для нас это не так уж важно. Для нас значимо, что представляла собой ее недвижимость в пушкинское время, и какие исторические персонажи имели к этому отношение.

Интересующий нас участок освоен в интервале 1804-1806 гг. Застроила его супруга надворного советника Бальтазара Бальтазаровича Скадовского (1752-1814), служившего таможенным директором в пору градоначальства герцога Ришелье, Авдотья (Евдокия Ивановна). Состоятельный шляхтич, крупный землевладелец, Скадовский получил место под застройку 1 мая 1803 года – это середина квартала по будущему Казарменному переулку.¹⁴³ Однако застраиваться он не стал, в 1805-м женился и обитал в доме супруги. В этом браке родились: Александра (1806), Елизавета (1809) и Лев (1814-1871). То есть Екатерина Егоровна Селихова, получившая интересующий нас дом в приданое от матери в январе 1817-го, была дочерью Авдотьи от предыдущего брака, но фамилия отца нам неизвестна. Скадовский, понятно, завещал

свое движимое и недвижимое имущество собственным детям,¹⁴⁴ а его супруга не оставила бесприданницей дочь.

Но тут начинается новый детективный сюжет, который я уже излагал без ссылок на источники в одной из предыдущих книг.¹⁴⁵ О братьях Селеховых (Селиховых) мы говорили выше. Екатерина (если она носила фамилию отчима, то Скадовская) в январе 1817-го обвенчалась с Егором (Георгием) Герасимовичем Селеховым. Подаренный ей матерью дом в пушкинское время имел оценку в 20.000 рублей, то есть был двухэтажным и приносил очень хороший доход – 12,5% годовых, ибо располагался рядом с Гостиными рядами по проспекту и фактически служил их продолжением. В ведомости о взыскании с оценки домов на квартирную повинность с 30 апреля 1824 года он даже значится за гвардии полковником Селиховым, а не за Екатериной.¹⁴⁶

Через четыре года после кончины мужа Екатерина занялась упорядочением наследства, ибо некоторые владельческие документы к тому времени оказались утраченными: в частности, как раз на интересующий нас дом. По этому поводу сохранилось целое архивное дело за октябрь-декабрь 1838 года. Своим доверенным лицом она назначила отставного поручика Людвиг Румаре, очевидно, сына коллежского советника М.Л. Румаре, французского эмигранта, надзирателя Херсонской заставы порто-франко, о котором я уже упоминал выше. Так вот в сказанном деле жена покойного Селихова именуется «капитан-командоршей де Додт».¹⁴⁷ Что за новости?

В самом деле, загадочная история. Капитан-командор Жюст (Петр Андреевич) де Додт – фигура весьма известная и почитаемая в истории российского флота. Этот человек действительно связан с юной Одессой. Датчанин, капитан-лейтенант, он был принят в Черноморский флот лейтенантом в феврале 1805 года. Умелый навигатор, отличный стратег, храбрец, он блистательно проявил себя в сражении при острове Тенедос летом 1807-го, когда турецкий флот блокировал остров, и российский гарнизон оказался в критическом положении. Свидетель тех событий сообщает: «Храбрый капитан-лейтенант Додт, командир брига «Богоявление», поддержал защиту крепости, отдавши все свои снаряды и перевезя с брига в крепость свои пушки». Вскоре герой был отмечен орденом Святого Георгия за это сражение.

В 1808-1809 годах Додт неоднократно проявил себя в сражениях со шведским флотом, в июле 1810-го, командуя отрядом кораблей и морским десантом, кровопролитным штурмом взял Сухум-Кале, за что получил орден Св. Георгия IV класса. В 1812 году в качестве командира 75-го экипажа Черноморского флота он сошел на берег со своего корабля «Правый», отправился в Польшу в армию Барклая де Толли, снарядил на Висле шесть канонерских лодок и повел их в сражения весной 1813 года. Тогда же произведен из капитанов 2-го в капитаны 1-го ранга, награжден орденом Святого Владимира III степени. Во второй половине 1810-х продолжал службу в ЧФ. Опуская подробности дальнейшей карьеры, подчеркиваю то важное обстоятельство, что в капитан-командоры нашего героя произвели лишь в 1824 году, а в 1826-м он умер.

Спрашивается, при каких условиях Селихова могла значиться «капитан-командоршей де Додт»? Лично я пока практически никаких вариантов не вижу. Если это ее первый муж, то она никак не может быть капитан-командоршей. В самом деле, мы видели дату юридического оформления приданого – начало 1817 года. Кроме того, мы имеем метрические записи о смерти двухлетней дочери полковника Селихова Марии 14 июля 1823 года¹⁴⁸ и девятилетнего сына Николая – 26 февраля 1824 года.¹⁴⁹ Правда, из этого следует, что сын родился не позднее 1815 года, то есть мог быть от предыдущего брака. Единственный сценарий (если архивные документы безошибочны) заключается в том, что меж 1824-м и 1826-м годами Селихова получила развод и обвенчалась с де Додтом.

Поразительно, как много неординарных судеб вмещает биография Одессы, какой у нас тут яркий ретроспективный физиономический цветник! Так или иначе, а дом по Александровскому проспекту, № 2, по ведомости 1848 года числится за «наследником Селихова» и оценен в 4.500 рублей серебром.¹⁵⁰

Особый интерес, безусловно, вызывает смежная недвижимость по Александровскому проспекту, № 6. Это атрибутированное пушкинское место, о котором и пойдет речь в следующем разделе. Однако давайте сперва вернемся чуть назад, на Полицейскую улицу, и хотя бы вкратце обозначим историю строений, занимаемых Городской полицией и другими значимыми казенными институциями.

Городская полиция и Ко

Речь идет о нынешних адресах по Бунина (Полицейской), № 41, и по Преображенской, № 44. Согласно старой топографии, это места № 38 и 39 IV-го квартала Греческого форштата. Сперва (1794) их, как и прочие участки в данном квартале, раздали под застройку частным лицам – офицерам.¹⁵¹ По ряду причин места застроены не были, и часть из них осваивалась под казенные здания. На углу Полицейской и Александровского проспекта, как мы говорили, был построен одноэтажный дом для квартирования штаб-офицеров, впоследствии проданный купцу Сапожникову, а на противоположном углу – сооружения, предназначенные для размещения полиции и магистрата. В самые первые годы существования города заседания магистрата проходили в частных домах. Первобытная полиция фактически тоже не имела собственного офиса.

Полицейской частью в новорожденной Одессе заведовал поручик итальянского происхождения Августин де Пачиоли, которого чаще именуют плац-майором. В его распоряжении находились один унтер-офицер, два капрала, из которых один был базарным, 16 рядовых и один барабанщик. Базарный надзирал за порядком на формирувавшемся Вольном рынке (Старом базаре), где начало торговли сигнализировалось поднятием флага, а барабанщик боем привлекал внимание горожан при официальных оповещениях. Для содержания кордонов по Херсонской и Тираспольской дорогам отряжалось 12 казаков Екатеринославского казачьего полка. Кроме того, при полиции служили два вольных писаря, трое десятских – русский, греческий и еврейский, плюс избираемые обществом трое словесных судей: один из русских и двое из греков.

15 июля 1795 года де Пачиоли уже в чине капитана сдал свою должность назначенному накануне «для управления полицейской частью» градоначальнику секунд-майору Григорию Степановичу Кирьякову, командиру 4-го батальона Черноморского гренадерского корпуса. В официальных документах его также называют исполняющим обязанности военного коменданта: в этом отношении вообще наблюдаются некоторые противоречия. Ситуация в те годы не способствовала четко сформулированным функциональным обязанностям местных властных

структур, они часто пересекались, выясняли отношения, тянули одеяло на себя. 26 декабря 1795 года Кирьякова уволили от должности по болезни. Обязанности градоначальника временно исполнял казначей Экспедиции строения города секунд-майор Петр Федорович Небольсин, с предписанием по должности полиции относится к инженер-майору Федору Кайзеру, находившемуся в Одессе за военного коменданта.

В начале 1796-го начал свою деятельность первый магистрат. После кончины императрицы развернулись серьезные пертурбации. По указу от 20 мая 1797 года на место полицмейстера в чине подполковника вернулся Кирьяков, а военным комендантом на будущее назначался шеф постоянно расквартированного в городе полка, в данном случае – Ладожского мушкетерского. 23 сентября были приведены к присяге члены нового, так называемого иностранного магистрата, причем в течение нескольких месяцев он функционировал параллельно с прежним, российским, и оба муниципалитета энергично выясняли отношения. В 1798-м Кирьякова в должности полицмейстера сменил надворный советник Николай Лер, а в 1799-м подполковник Степан Егорович Лесли.

Полицейский порядок в городе полноценно стали наводить лишь с воцарением Александра I. В частности, высочайший указ от 8 октября 1802 года четко определил круг обязанностей градоначальника, назначаемого «из чиновников высших классов», который не только ведает полицейскими делами, но располагает довольно широкими полномочиями. Нечего и говорить о том, что назначенный 27 января и прибывший в Одессу 9 марта 1803 года герцог Ришелье наделялся еще большей властью. Ранее, по ходатайству магистрата от 2 июля 1799 года, штат одесского полицмейстера усилили двумя частными приставами, двумя квартальными надзирателями, писарем в придачу к имевшемуся полицейскому письмоводителю и надзирателем городского караула. При этом выделены и надбавки к жалованью.

Законодательное утверждение штата Одесской городской полиции последовало в указе от 20 февраля 1804 года. Согласно «Книге штатов», городскому полицмейстеру назначался годовой оклад в 600 рублей, канцеляристу и двум частным приставам – по 300, четырем квартальным надзирателям – по 150, 16-ти десятским

(в принципе, изначально понималось так, что на 10 домов и полагается десятский, совершающий ночные обходы) – по 84. Кроме того, при полиции состоял особый смотритель городской земли с окладом в 300 рублей. В ту пору в обязанности полиции входило следить за «охранением тишины и спокойствия», присутствовать на всех публичных собраниях, вести регистрацию строений и горожан, фиксировать отъезды и присутствие своих и чужих, надзирать за гостиницами, подворьями, всеми трактирными заведениями, «танцевальными собраниями», исполнять судебные решения, взыскивать штрафы и выдавать положенную часть доносчикам, проводить предварительный розыск и дознание, составлять соответствующие протоколы, брать под стражу.

Согласно архивным данным, меж 11 мая и 29 октября 1798 года Городской полиции и магистрату передали в пользование недостроенное казенное здание на углу будущих улиц Полицейской и Преображенской.¹⁵² Дом этот постоянно достраивался, реконструировался, дополнялся различными флигелями, службами, включая и резиденцию полицмейстера. Так, летом 1809-го, после капитальной перестройки здания, предназначенного для полиции, Строительный комитет усмотрел надобность в прибавлении покоев для присутственных мест. Однако в первую очередь пришлось дать крышу очень важной институции, Одесскому коммерческому суду. Поэтому определили немедленно отремонтировать для этой цели нижний этаж флигеля, занимаемого магистратом и думою, а ремонт фасада оставить на будущий год, отдав работу в подряд.¹⁵³

На генплане 1802-1803 годов здесь обозначены две постройки: побольше – на углу будущих Полицейской и Преображенской улиц, место № 39, и другая, значительно меньшая, по Полицейской, место № 38. То есть дома полиции и магистрата. На плане 1807-го прямо обозначено, что здесь здания полиции и магистрата, показано продолжающееся строительство и немалый дворовой флигель на месте № 38. План 1814-го фиксирует уже четыре строения, по два на каждом из мест. Наконец, план 1828 года показывает почти сплошную застройку обоих мест по красной линии улиц, за исключением широких въездов в обширный двор: двух с Преображенской и одного с Полицейской улицы.

В 1809-м отдельные работы во дворе и строительство ограды производил подрядчик Иван Папаергопуло,¹⁵⁴ унтер-офицер Греческого пехотного батальона.¹⁵⁵ В 1810-м достроены кухня и пекарня,¹⁵⁶ что явно свидетельствует о переводе сюда из «большой крепости» (на территории нынешнего парка имени Шевченко) острога, то есть арестного дома, фактически первого тюремного замка. О том, что острог в крепости функционировал, по крайней мере, на рубеже 1806-1807 гг., свидетельствует тот факт, что в это время там активно остеклялись окна.¹⁵⁷ Очевидно, передислокация острога обусловлена ликвидацией Одесской крепости и передачи ее в 1811 году Карантину. В том же 1811-м к дому полиции пристроено помещение, включавшее шесть покоев и двое сеней.¹⁵⁸ В 1813-1814 гг. последовали очередные ремонты, в том числе связанные с пожаром в доме полицмейстера.¹⁵⁹ В 1816-м здесь дополнительно построены: магазин, сарай, ледник и погреб с кладовой в наземной его части.¹⁶⁰

С 1816-го решался вопрос строительства капитального тюремного замка в Одессе, потребность в каковом к тому времени ощущалась уже крайне остро. В архивном фонде Одесского строительного

Полицейская площадь. 1869 г.

комитета имеется объемистое дело о построении оногo, заведенное 28 апреля 1817-го.¹⁶¹ Дополнительную информацию можно почерпнуть в журналах заседаний Комитета. Два года спустя Александр Дигби составил соответствующую смету – 56.068 руб. 45 коп. Работу решили отдать в подряд, торги назначили на 24, 28 и 31 апреля 1819 года,¹⁶² однако подрядчиков не нашлось. Тогда Джованни Фраполли поручили сделать новую смету, и он насчитал уже 96.110 руб. 44 коп. Особой охоты вновь никто не проявил. Правда, в журнале заседаний от 26 июня сообщается, что 18 июня «здешний житель Томазини» все же согласился взять подряд за 88.000 рублей. Впрочем, по недостатку средств дело отложили до 1820 года.¹⁶³

Время шло, денег все не было, и проект сдвинулся с мертвой точки лишь после назначения генерал-губернатором графа М.С. Воронцова, который не терпел проволочек в подобных важных делах. 23 августа 1823 года в заседании Комитета обсудили его предписание: построить тюремное здание, рассчитанное на 400 заключенных, за счет городских доходов. Торги назначили на 13, 17 и 18 сентября, но затем отсрочили до 2 октября.¹⁶⁴ В итоге задачу принял на себя упоминавшийся Симон Томазини, венецианско-подданный, который много лет брал на себя подряды по всевозможным городским работам, предоставляя надежные залого (недвижимость). Сумма контракта составляла 214.900 рублей, поскольку масштабы тюремного замка значительно превышали те, что планировались ранее.

В комитетском журнале от 1 июля 1824 года есть запись об очередном транше Томазини – 12.980 рублей – за каменную кладку и «деревянные работы».¹⁶⁵ В заседании ОСК от 27 августа того же года речь идет о том, что подрядчику следует выдать 33.585 рублей за работы «при главном корпусе тюремного здания», качество которых освидетельствовано военным инженером И.И. Кругом.¹⁶⁶ 28 августа архитектору Боффо предписывают немедленно изготовить образцовое стропило, поскольку соответствующие работы по строительству тюремного замка буксуют более трех недель.¹⁶⁷ В заседании 27 ноября 1824-го отмечено: крыша тюремного замка «на четырех башнях оногo» взамен черепицы крыта железом; инженер Круг докладывает о том, что работы прочны и соответствуют контракту.¹⁶⁸

Короче говоря, в бытность в Одессе Пушкина коробка тюремного замка была уже готова, и он вполне мог ее видеть, однако прежняя тюрьма при полиции все еще продолжала функционировать. Другое дело, что различные достройки и внутреннее устройство затянулись еще года на два. «Новое тюремное здание», как и «дом, занимаемый полицмейстером», 15 декабря 1824 года упоминаются в числе комитетских гражданских зданий, на которые по распоряжению управляющего министерством внутренних дел необходимо составить планы, фасады, указав перемены, произошедшие в результате реконструкций, и проч.¹⁶⁹

Для полноты картины упомянем информативные названия двух несохранившихся архивных дел за 1826 год: «О построении домов для присутственных мест и о перестройке дома, занимаемого магистратом и полицией»¹⁷⁰ и «О построении дома для полиции и полицмейстера».¹⁷¹ Есть сохранившееся дело от 19 января 1827-го «О переделке дома при полиции, где помещалась тюрьма»¹⁷² и целый ряд других, связанных с дальнейшей эволюцией построек на местах № 38 и № 39.¹⁷³ Тут важно понимать следующее: нынешние здания и сооружения на этом участке не пушкинского времени. Здание Городской полиции окончено в 1830-м, флигель пожарной команды – в 1849-м. Впрочем, эти и другие находящиеся тут объекты могут нести в себе фрагменты предыдущих построек, однако для их выявления необходимо специальное обследование кладок первых и подвальных этажей.

В январе 1823-го было принято решение о передаче Городской типографии в ведение полиции. Передача имущества по описи осуществлялась в апреле-мае. То есть не позднее июня типография передислоцировалась из дома Монтовани в одно из помещений, занимаемых Городской полицией,¹⁷⁴ и находилась там во время пребывания Пушкина в Одессе.

И еще. Как видим, описанные нами места № 38 и № 39 на протяжении не менее четверти века представляли собой значимый административный центр Одессы. Трудно себе представить, что Пушкин здесь не бывал, тем паче этот центр примыкал непосредственно к Соборной площади. Почему? Потому что до середины XIX столетия территория этой площади была гораздо большей, и лишь затем часть ее застроена К.Ф. Папудовым: получился

как бы отдельный квартал. В итоге сказанная застройка отрезала от Соборной площади другую, небольшую Полицейскую площадь, на которой функционировал водопой.

Современник (1822) так описывает интересующие нас объекты: «Побеленное здание с зеленой крышей, стоящее около собора и украшенное колоннами, имело внушительный вид и вызвало наши расспросы. Нам сказали, что это Полицейское управление, но мы нашли, что управление занимает только часть здания, а другая, большая часть, занята тюрьмой. Какой контраст между экстерьером здания и его внутренним содержанием! В тюрьме находилось 264 заключенных, мужчин и женщин, судьба которых была жалкой. Всюду грязь, можно сказать, «как в свинарнике». Мы поспешно сбежали от его насыщенных и опасных испарений».¹⁷⁵

Есть и более раннее, конца 1819 года, сообщение другого британского путешественника, эмиссара Библейского общества: «Получив разрешение графа Ланжерона обследовать тюрьму, я пошел туда с офицером, согласившимся быть моим проводником, и моим знакомым джентльменом, греком. Общественное здание, расположенное около полицейского управления, используется в качестве тюрьмы еще до решения правительства! Граф не очень хотел, чтобы я шел туда, и это неудивительно, поскольку места более убогого я никогда прежде не посещал. В трех помещениях на первом этаже содержались 131 преступник и должники. Спали они на деревянных скамьях, стоящих вдоль стен, где им было столь тесно, что ночью они укладывались поближе друг к другу. В четвертой комнате мы нашли четырнадцать преступников с кандалами на ногах, воздух здесь был очень спертый. В помещении для женщин содержались лишь три заключенные и мальчик, остальные были на работе. Мы увидели грязные пол и стены, больных и оборванных женщин. Затем нам показали комнату должников. Их было приблизительно двенадцать, несколько из них евреи. Но и это помещение было столь тесным, и воздух столь спертый, что мне трудно было остаться в нем даже на несколько минут. Я настойчиво убеждал графа, что был свидетелем плохого обращения с людьми в Карантине, а еще хуже – в тюрьме, с несчастными заключенными. Он обещал сделать что-нибудь для облегчения их положения и гарантировал мне,

что следующей весной будет начато строительство новой тюрьмы, разработанный план которой уже одобрен, место выбрано, и деньги для этой цели выделены».¹⁷⁶

Насколько было облегчено положение заключенных, неизвестно, а вот строительство нового тюремного замка, как мы видели, затянулось надолго. По крайней мере один из персонажей настоящего издания, растратчик казенных денег, молодой коллежский регистратор Локотников (см. ниже), умер в этой жуткой старой тюрьме, так и не дождавшись окончательного юридического вердикта по своему делу. Поразительно, но он точно был среди тех, кого здесь наблюдал доктор богословия из Британии.

Продложение следует

Примечания

- ¹⁰⁵ Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 237-268.
- ¹⁰⁶ Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 282-287.
- ¹⁰⁷ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 265, л. 388.
- ¹⁰⁸ Там же, д. 267, л. 150-152.
- ¹⁰⁹ Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 175-176; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 791. – 5 л.
- ¹¹⁰ Новороссийский календарь на 1837-й год, с. 163.
- ¹¹¹ Там же, ф. 59, оп. 2, д. 789, л. 1, 8, чертежи № 4, 6, 7.
- ¹¹² Список домам и прочим строениям, состоящим в I-IV частях города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 7.
- ¹¹³ А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 111.
- ¹¹⁴ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 592.
- ¹¹⁵ В.А. Яковлев. К истории заселения Хаджибея. – Одесса, 1889, с. 20, 57.
- ¹¹⁶ Одесский вестник. – 1889, 21 августа, № 222.
- ¹¹⁷ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 1-7.
- ¹¹⁸ А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 138-139.
- ¹¹⁹ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 120-124.
- ¹²⁰ Там же, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 39.
- ¹²¹ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 157 об. – 158.

- 122 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 663, л. 87, 88.
- 123 Одесский вестник. – 1832, 29 июня, 2 и 9 июля, № 52, 53, 55.
- 124 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 435. – 8 л.
- 125 Там же, ф. 895, оп. 1, д. 182.
- 126 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 272, 279, 280, 287, 306, 307, 308, 353, 359, 363-365.
- 127 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 145, ч. 2, л. 20–22; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 332.
- 128 А.В. Макидонов. Персональный состав административного аппарата Новороссии в XVIII веке. – Запорожье: Просвіта, 2011, с. 239.
- 129 ГАОО, ф. 17, оп. 1, д. 55, л. 17-18.
- 130 Там же, ф. 37, оп. 4, д. 16, л. 47 об., 48 об., 50 об.
- 131 Там же, ф. 44, оп. 1, д. 15, л. 25-26.
- 132 Там же, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 93.
- 133 Одесский вестник. – 1833, 23 августа, № 69.
- 134 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2430, л. 3.
- 135 Там же, л. 1, 4-5.
- 136 Там же, л. 10.
- 137 Там же, л. 11.
- 138 Там же, д. 663, л. 139.
- 139 Там же, л. 139 об.
- 140 Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 103-104.
- 141 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 431. – 42 л.
- 142 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 226 об. – 227 об.
- 143 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 222-224.
- 144 Інна Черноіваненко. Остання воля Б.Б. Скадовського. – Міждисциплінарні гуманітарні студії. Серія: Історичні науки. Випуск 1. – Київ, 2014 / Національна Академія наук України, Відділення історії, філософії та права, відділення літератури, мови та мистецтвознавства Інститу історії України / Гол. ред. Г.В. Боряк. – С. 130-135.
- 145 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 271-274.
- 146 ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 215, ч. 1, № 53.
- 147 Там же, ф. 59, оп. 3, д. 439. – 28 л.
- 148 Там же, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 93.
- 149 Там же, л. 146 об.
- 150 Список домам и прочим строениям, состоящим в I части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 7.

- 151 Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 593.
- 152 ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 61. Дело не сохранилось, однако его название и датировка вполне описывают ситуацию.
- 153 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 399.
- 154 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 24. – 45 л.
- 155 Греки Одессы. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 362-363.
- 156 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 34. – 12 л.
- 157 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 269.
- 158 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 36. – 35 л.
- 159 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 364; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 41. – 47 л.
- 160 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 50. – 31 л.
- 161 Там же, оп. 1, д. 118. – 485 л.
- 162 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 287.
- 163 Там же, л. 555-556.
- 164 Там же, д. 284, л. 357-361, 489.
- 165 Там же, д. 286, л. 14.
- 166 Там же, л. 435.
- 167 Там же, л. 442-443.
- 168 Там же, д. 287, л. 424-425.
- 169 Там же, л. 612-613.
- 170 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 104. – 547 л. Утрачено.
- 171 Там же, д. 107. – 308 л. Утрачено.
- 172 Там же, оп. 1, д. 773. – 202 л.
- 173 Там же, оп. 2, д. 251. – 246 л.; Там же, оп. 1, д. 1595. – 86 л.; Там же, д. 1802. – 124 л.; Там же, д. 1939. – 65 л.; Там же, д. 2119. – 22 л.; Там же, оп. 2, д. 519. – 93 л.; Там же, д. 1116. – 302 л.; Там же, д. 1282. – 702 л. Утрачено.
- 174 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 283, л. 25-26, 401-402, 651.
- 175 Одесса глазами британцев. – Одесса: Optimum, 2012, с. 158.
- 176 Одесса глазами британцев. – Одесса: Optimum, 2012, с. 198-199.

